

Игорь Богомолов

Igor Bogomolov

(Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Рец. на: G. Savino. Il nazionalismo russo, 1900–1914. Identita, politica, societa. Napoli: Federico II University Press, 2022. 408 p.*

DOI: 10.31857/S2949124X23040181, EDN: HPPJEZ

Научные труды по истории русского национализма в позднеимперской России на итальянском языке — явление достаточно редкое, и уже поэтому монография Дж. Савино привлекает к себе внимание. Впрочем,

* Савино Д. Русский национализм, 1900–1914 гг. Идентичность, политика, общество. Неаполь: Изд-во Университета Федерико II, 2022. 408 с.

её появление закономерно, учитывая многолетнюю преподавательскую деятельность автора в нашей стране (Савино — кандидат исторических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) и его многочисленные (в том числе русскоязычные) исследования в данном направлении¹.

Основу книги составила диссертация Савино «Русский национализм, 1900–1917: идеологии, организации, общественная сфера», защищённая в Итальянском институте гуманитарных наук (*Istituto Italiano di Scienze Umane*) в 2012 г. С тех пор автор провёл углублённые архивные изыскания. Из фондов ГА РФ использованы документы Департамента полиции, польских политических партий на территории России, личных фондов Николая II, Б.В. Никольского, Д.Ф. Трепова, Л. Дымши. Активно цитируются переписка и программные документы А.С. Будиловича (ОР РГБ, ф. 40), Н.А. Лавровского (РГАЛИ, ф. 294), В.И. Ламанского и И.И. Срезневского (СПбФ АРАН, ф. 35 и 216). В РГИА изучены материалы Департамента народного просвещения (ф. 733), Канцелярии обер-прокурора Св. Синода (ф. 797), Департамента общих дел МВД (ф. 1284) и совещаний, образованных в 1905–1906 гг. при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях (ф. 1544). Широко привлекается периодика, в частности «Новое время», «Московские ведомости», «Киевлянин», «Южный край» (Харьков), особое внимание обращено на издания г. Холм — «Братская беседа», «Холмская Русь», «Холмская церковная жизнь» и др. Значительная работа проделана с многочисленными отчётами, обзорами, сборниками статей, сочинениями видных представителей русского национализма начала XX в.

Объёмная источниковая база заставила Савино задуматься о разделении исследования на два тома. Рецензируемая монография — «первая часть глобального исследования русского национализма», цель которой состоит в том, чтобы «проанализировать и реконструировать события, проблемы, главных героев этого движения в имперском контексте с особым вниманием к опыту революции 1905 г. и Государственной думы». Второй том предполагается посвятить «внешней политике русского национализма» (р. 15, 26).

Книга разделена на четыре большие главы, охватывающие длительные исторические периоды. В фокусе внимания — история и идейно-организационное развитие русского национализма с 1900 по 1914 г. Первая глава посвящена «Русскому собранию» — старейшей правомонархической организации, появившейся в ноябре 1900 г. и просуществовавшей до 1917 г. Подробно рассмотрены история его создания, программные документы, биографии и деятельность наиболее видных участников. По мнению Савино, в 1905–1909 гг. «Русское собрание» через своих руководителей, активно участвовавших в советах основных монархических организаций того времени, сумело стать «связующим звеном» русских националистов и сохранить гегемонию в определении их программ и политических целей. Однако глубокие противоречия в «правом» лагере были заложены уже Манифестом 17 октября и лишь усугубились с выборами в Думу в 1906–1907 гг., в частности из-за споров о том, следует ли правым в них участвовать. Различалось понимание «роли, которую приобрела III Дума, и... отношений между последней, правительством и обществом» (р. 114). Кризис «Русского собрания» Савино относит к 1909 г., когда в отставку с поста

председателя подал кн. М.Л. Шаховской. Череда внутренних конфликтов (А.И. Дубровина с В.М. Пуришкевичем, Б.В. Никольского с Шаховским и Н.Е. Марковым) привела к разделению «национально-консервативного и монархического» направлений (р. 114). Один из результатов — ослабление организации и её фактическая деполитизация к началу Первой мировой войны.

Во второй главе подробно описана история журнала «Окраины России» и группировавшихся вокруг него интеллектуалов. Биографии последних автор считает «образцовыми для прослеживания связей между бюрократией, академией, общественным мнением и политикой» в России второй половины XIX — начала XX в. (р. 26). Деятельность журнала, а также «Русского окраинного общества» направлялась группой учёных, сформировавшихся в 1860–1870-х гг. «под непосредственным влиянием славянофилов и панславизма», а затем занявших «влиятельные позиции в общественной жизни и в научной среде на рубеже двух веков». По большей части они происходили из западных губерний, часто из семей, которые «ещё одно–два поколения назад исповедовали греко-католическую веру и с детства сталкивались с присутствием поляков на этих территориях, а позже и с появлением других национальных течений (украинское, литовское, латышское)» (р. 197). Другие, напротив, выработали свои взгляды в период службы в прибалтийских губерниях и Финляндии в конце XIX — начале XX в., на фоне правительственных мер по русификации. Однако эта политика не смогла закрепить господство русской культуры и языка на окраинах и «нередко вызвала бурную реакцию со стороны местных национальных групп, усматривавших в действиях “профессио-

нальных русификаторов” нарушение их традиций и прав, установленных в ходе длительного и сложного процесса интеграции в империю» (р. 197). Даже немалая часть бюрократии отнеслась к активности на этом направлении с недоверием, так как осознавала хрупкость отношений между центром и периферией.

Парадоксально, но именно революция 1905 г. и созыв Думы позволили национально-консервативной интеллигенции расширить свою деятельность и способствовали распространению её идей. Их влияние «сыграло важную роль в формировании позиций национально-консервативных депутатов в думских дебатах о польской автономии, статуте Финляндии и выходе Холмского края из состава Царства Польского» (р. 198).

Третья глава посвящена взаимодействию националистов с Думой и правительством в 1906–1912 гг. Попытки сохранить единый антиреволюционный фронт имели некоторый успех в 1906–1907 гг., когда ещё не стихли волнения в деревне, крупных городах и национальных окраинах. Активность левых думских фракций воспринималась национал-консерваторами как главная угроза, которой следовало противостоять, сохраняя prerogatives самодержавия, пусть и ограниченные Манифестом 17 октября. Эта позиция «сотрудничества» с Думой разделялась далеко не всеми правыми, что стало одной из причин их идейного и организационного разделения.

Помимо политического и идеологического, эти противоречия имели также национальное и религиозное измерения. Наиболее яркий пример — деятельность Почаевской лавры по распространению национально-консервативных и монархических идей и программ на Волыни. Однако это было скорее исключение, ограничен-

ное как в социальном (Церковь), так и в региональном смысле. Активность представителей западных окраин империи неизбежно должна была принять более умеренные и организационно-стройные формы, как и произошло с Всероссийским национальным союзом, многие ведущие представители которого проживали в Киеве и группировались вокруг газеты «Киевлянин» (Д.И. Пихно, В.В. Шульгин, А.И. Савенко). Его созданию во многом способствовал П.А. Столыпин, «заинтересованный в образовании прочного консервативного и лояльного большинства в Думе» (р. 261). В целом в период третьеиюньской монархии националисты продемонстрировали способность «использовать различные каналы общественно-политической жизни позднеимперской эпохи», сочетая работу в «представительных органах с кампаниями в печати и организацией объединений и образований как местных, так и общероссийских» (р. 270).

В четвёртой главе Савино подробно останавливается на «холмском вопросе» и отношении к нему националистов в 1905–1912 гг. Издание 17 апреля 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости» стало моментом, когда этот вопрос вышел за пределы министерских кабинетов. Автор подчёркивает, что до революции 1905 г. «трудно было представить» публичное обсуждение «холмского вопроса», но именно появление думской трибуны сделало возможной и успешной борьбу за образование Холмской губ. Формирование вокруг «холмского вопроса» своеобразного «фронта» газет и журналов, интеллигенции, политиков, священников и общественных деятелей стало возможным благодаря активности депутатов на заседаниях Думы. В 1906–1911 гг. не было «ни одной монархической и национал-

консервативной газеты или издания в Российской империи, в которых не уделялось бы места холмскому вопросу, а думские дебаты по этому поводу регулярно освещались в печати» (р. 295). Сборы средств, поездки делегаций, молебны и собрания «окончательно вывели регион из провинциального измерения и поместили его в центр внимания значительной части общественного мнения в эпоху поздней империи» (р. 295). Он оставался ареной противоборств армий в двух мировых войнах, предметом острых территориальных споров и депортаций вплоть до 1945–1947 гг., когда по завершении послевоенных территориальных размежеваний между Польшей и СССР вопрос о Холме «перестал существовать» (р. 359).

Рецензируемая монография представляет собой обстоятельный и фундаментальный научный труд, дающий читателю достаточно полное представление об идейных основах, политическом и организационном развитии русского национализма в позднеимперскую эпоху. Однако из текста монографии становится очевидно, что обозначенные автором временные рамки во многом формальны и сомнительны. Хотя «Русское собрание» действительно было создано в 1900 г., предпосылки его появления уходят в XIX в., к событиям которого автор по ходу повествования неоднократно обращается. Спорной выглядит и другая крайняя дата — 1914 г. Такие важные вопросы, как отношения председателя Совета министров В.Н. Коковцова и III Думы, а также «дело Бейлиса», Савино кратко упоминает лишь в заключении.

Буквально одно предложение уделено периоду Первой мировой войны. Автор лишь отметил, что её начало «привело к ранее невообразимому выравниванию и сближению политических позиций в Думе», результатом

чего стало создание год спустя Про-грессивного блока (р. 366). Однако и до, и после этого между национа-листами и другими фракциями существовали значимые противоречия и расхождения по большому числу внутривнутриполитических вопросов. Далеко не однородной оставалась и сама фракция националистов. Во введе-нии Савино кратко упоминает об этом, говоря, что с началом вой ны и углублением политического кризи-са про изошло «присоединение зна-чительного крыла русского национа-лизма к Прогрессивному блоку и его окончательный переход к оппозиции» (р. 26). Между тем весь этот сюжет был пропущен без видимых на то причин. Можно предположить, что рассказ об этом периоде автор изначально планировал включить во вторую часть исследования, хотя известно, что её

предполагается посвятить внешнеполитическим сюжетам.

Несмотря на указанные недостатки и вопросы, монография вносит значимый вклад в исследование дореволюционного русского национализма как в российской, так и в зарубежной историографии.

Примечание

¹ См., например: *Savino G. Vasily Shulgin (1878–1976): the Grandfather of Russian Nationalism* // IERES Occasional Papers. 2020. № 8; *Savino G. La questione galiziana e il nazionalismo russo in guerra, 1902–17* // *Contemporanea. Rivista di storia dell '800 e del '900*. 2019. № 1. P. 3–28; *Савино Дж.* Инородческие заговоры: поляки, евреи, немцы и украинцы в представлениях русских националистов начала XX века // *Логос*. 2017. № 4. С. 65–86; *Савино Дж.* «Окраины России» и проект национализации Российской империи // *Пути России. Новый старый порядок – вечное возвращение?* М., 2016. С. 231–242.